

Разумен ли срок?

Эффективность борьбы с затягиванием расследования зависит в первую очередь от активной позиции защиты

8-9

Сайт как визитная карточка адвоката

Победители конкурса Best Law Firm Website 2018 в номинации «Лучший индивидуальный сайт адвоката» рассказали, как создать свой сайт и избежать типичных ошибок

16

АДВОКАТСКАЯ ГАЗЕТА

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ
advgazeta.ru

2-3

ПРЕЗИДЕНТ ФПА РФ
ЮРИЙ ПИЛИПЕНКО:

Повышение оплаты адвокатам по назначению – не спонтанный шаг Правительства, а целый проект, которым мы в ФПА занимались несколько лет

№ 21 (278) 1-15 НОЯБРЯ 2018 г.

ISSN 2619-1520

Необходимо единство практики

Фото: LuxoraPhoto.ru

19-20 октября в Пятигорске прошли курсы повышения квалификации для членов квалификационных комиссий адвокатских палат субъектов РФ

Организованные Федеральной палатой адвокатов РФ и АП Ставропольского края курсы собрали около 120 участников – членов квалификационных комиссий и советов, президентов и вице-президентов, адвокатов ряда адвокатских палат субъектов РФ и сочетали лекционные занятия, на которых рассматривались вопросы дисциплинарной практики адвокатских палат и судебной практики по обжалованию дисциплинарных решений советов адвокатских палат, с интерактивным семинаром-тренингом.

Федеральную палату адвокатов РФ представляли президент Юрий Пилипенко, вице-президент Светлана Володина, члены Комиссии по этике и стандартам Николай Кипнис и Александр Никифоров, советники Михаил Толчеев, Евгений Рубинштейн, Нвер Гаспарян.

Президент ФПА РФ Юрий Пилипенко в своем выступлении отметил, что мнение о российской адвокатуре складывается во многом на основе тех дисциплинарных дел, которые широко обсуждаются не только внутри корпорации, но и вне ее, в том числе в СМИ и социальных сетях. «От нашего отношения к такой деликатной сфере, как дисциплинарное производство, зависит общее мнение об адвокатском самоуправлении и о российских адвокатах. Все правильные решения остаются незамеченными, а каждая наша оплошность воспринимается как событие, из ряда вон выходящее, и начинает оцениваться как характеристика всей адвокатуры в целом», – сказал он.

В связи с этим президент ФПА РФ подчеркнул необходимость общего анализа дисциплинарной практики и выработки единых подходов: «Мы не гарантированы от ошибок, но чем больше мы будем встречаться и обмениваться опытом, тем больше у нас будет оснований быть уверенными, что мы поступаем в соответствии с нашей совестью и правилами нашей профессии».

Переходя к основной теме своего выступления – полномочия ФПА РФ по вопросам дисциплинарной ответственности – Юрий Пилипенко напомнил, что два года назад в Закон об адвокатуре была включена норма, согласно которой в исключительных случаях в целях обеспечения единообразного применения норм данного закона, Кодекса профессиональной этики адвоката и единства дисциплинарной практики, а также соблюдения решений ФПА РФ и ее органов президент ФПА РФ возбуждает дисциплинарное производство в отношении адвоката (п. 7.1 ст. 37).

► Стр. 4

Уголовная защита дает острые эмоциональные ощущения

Адвокат, который не может себя защитить от психологического воздействия, профессионально не очень состоятелен

Пётр Баренбойм

канд. юрид. наук,
адвокат
Адвокатской конторы
«Аснис и партнеры»,
МГКА

Выдающийся российский адвокат Пётр Давидович Баренбойм, 23 октября отметивший юбилей (см. п. 4), рассказал «АГ» о своем понимании сути адвокатской профессии, практике, общественной деятельности, увлечении флорентийской культурой, а также преимуществах конституционной экономики.

– Пётр Давидович, вы пришли в адвокатуру со студенческой скамьи. Сразу догадались, что с нестандартным мышлением можно идти только в защитники?

– Никогда не собирался быть адвокатом, просто хотелось заниматься наукой, писать диссертацию, а распределение на работу было обязательным, и из адвокатуры охотно отпускали, да и со свободным временем легче было. Когда поступал в вуз, я мечтал быть следователем, в своем родном Пятигорске был общественным помощником следователя, членом оперативного отряда, патрулировал улицы города с очень высокой тогда преступностью, даже на нож лез по дикой подростковой глупости. А вы думаете, с чего вдруг меня приняли на юрфак МГУ из семьи провинциальных врачей без всяких связей?

– А за что вас исключили из МГУ – не за вольный ли нрав?

– Нет, просто за провал зимней сессии на 2-м курсе. Видно, надъшавшись воздухом кратковременной московской свободы 1967-го – последнего либерального советского года перед вторжением в Чехословакию, я как-то перестал мечтать о следственной карьере.

► Стр. 5-6

ТЕМА:
ЮБИЛЕЙ

персона

Уголовная защита дает острые эмоциональные ощущения

БЕСЕДОВАЛ

Константин
Катанян
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «АГ»

Стр. 1 ► Не был по натуре охотником на человека. Соответственно и в учебе на юрфаке сильно разочаровался. После исключения стал устраиваться на работу и наивно собирался поступать снова, но уже на исторический факультет МГУ. Даже немного был разочарован, когда через две недели по заступничеству студенческих лидеров (комсомол, партком, староста Николай Тимофеев) нашего курса меня восстановили. Энтузиазма к учебе не прибавилось, но сессии стал сдавать легко и исправно.

С годами и десятилетиями я оценил, что мне дал факультет.

Например, у нас был скучный, казалось, одно и то же повторяющийся профессор по теории права Андрей Денисов. Вспомнил я его лекции через почти 30 лет, когда представлял в Верховном Суде Центральный банк в остром споре о его полномочиях, связанных с валютным регулированием. Дело уже было проиграно в первой инстанции, когда меня привлекли выступить в кассации. Я вообще очень уважаю судей Верховного Суда и был поражен, когда суд отверг мою позицию по трактовке смысла на первый взгляд абсолютно ясного положения нормативного акта. Когда ты читаешь и видишь в тексте одно, а две инстанции ВС видят там же противоположный смысл, и ты на третьем десятке лет своей адвокатской карьеры начинаешь сомневаться, а хорошо ли ты знаешь русский язык, – это мало с чем можно сравнить... Но тут я вспомнил уроки Денисова о правилах интерпретации юридических текстов и пошел с этим в Президиум ВС, где был поддержан практически единодушно.

– Уголовной практикой вы занимались 20 лет, а потом вдруг увлеклись финансовым и торговым правом. Это ветер свободы сыграл с вами злую шутку?

– Во-первых, никогда не чуждался гражданских и, как тогда называли, хозяйственных дел, а также обслуживания юридических лиц. Никогда не понимал коллег, гордо провозглашавших, что они исключительно «адвокаты-криминалисты». Ведь без понимания сути предмета нельзя защищать по всем статьям экономических преступлений и т.д.

Во-вторых, нужно было зарабатывать, чему узкая уголовно-правовая специализация не особо способ-

ствует, если, конечно, не достиг уже уровня мэтра.

Кроме того, когда меня на год (1990–1991) приглашали в Нью-Йорк на работу в адвокатскую фирму «Чадборн и Парк» и пришлось убедиться в скудости тогдашнего советского законодательства, регулирующего экономические отношения, и необходимости его развития. Тогда я создал там совместные рабочие группы по рынку ценных бумаг и банкам. Одна написала проект, потом легший в основу законодательства по ценным бумагам, вторая – учебное пособие по банковскому праву. Еще были законы о банкротстве. Тут долго можно рассказывать.

Но вернусь к вопросу об уголовной практике. Я в общем ее никогда не оставлял, потому что в России корпоративная работа идет бок о бок с угрозой уголовного преследования, когда любой без исключения бизнесмен может быть брошен за решетку. На самом деле без знания корпоративного и финансового права нельзя осуществлять защиту по таким делам. К сожалению, многие наши коллеги охотно берутся за подобные дела, не понимая существа предъявленного обвинения, и губят людей не хуже следователей, которые предъявляют эти обвинения, тоже ничего не понимая в очень нюансном корпоративном, банковском и законодательстве о банкротствах.

Уголовная защита дает острые эмоциональные ощущения, чувство борьбы за человека и его семью, которые больше нигде не испытываешь.

– Можете вспомнить такие случаи из своей практики?

– Приведу два, разделенные почти 40 годами. В самом начале адвокатской деятельности я защищал

водителя грузовика, необоснованно обвиненного в ДТП со смертельным исходом и взятым под стражу уже на следствии.

Я написал жалобу прокурору, где доказывал необходимость сложных трасологических и подобных экспертиз, без чего нельзя было по-настоящему провести расследование, и просил не утверждать обвинительное заключение и не направлять его в суд. Время было советское, но неожиданно прокурор ко мне прислушалась и вернула дело следствию, освободив подсудимого из-под стражи. Был май, все цвело, окна первого этажа юрконсультации открыты, к ним и подошел с улицы свежесмытый в белой рубашке человек, в котором я не узнал своего подзащитного, которого до этого видел только небритым в темной тюремной робе. Такие моменты проносишь сквозь всю жизнь.

Второй случай произошел пару лет назад. Уже давно я не защищал водителей грузовиков, моим клиентом был член-корреспондент РАН, бывший сенатор, а по совместительству – банкир и миллиардер из списка «Форбс». Разбив обвинение по корпоративному уголовному делу, мы с коллегой в конце рабочего дня стояли у ворот «Лефортово», ожидая, когда его вывезут на машине под домашний арест. Он пробыл в этом заведении 18 месяцев и, видимо, вел себя хорошо, потому что некоторые выходящие с работы надзиратели говорили нам «молодцы»! И тут...

Надо сказать, что я люблю маленьких собак, а особенно папильонов (часто называют папиллоны) – мхнатых с большими ушами. В Москве они почему-то довольно редко встречаются. И тут мимо прошел прекрасный образец породы, который еще и дал себя погладить.

Вот ради таких моментов и работаешь. Кстати, этот клиент после выхода занялся продюсированием кино и уже второй его фильм подряд номинирован на «Оскар».

Мы с моим другом и коллегой Шамилем Хазиевым сейчас пишем на примере подобных дел небольшую книгу «Экономический популизм как основа государственной уголовной политики в отношении бизнеса».

– Значит, тяга к науке все же не прошла?

– Нет, конечно. Вот упомянутый Хазиев недавно защитил докторскую диссертацию. Я же хорошо себя чувствую и кандидатом, поскольку с английского моя степень переводится «доктор философии по праву». Зачем еще париться с докторской?

Адвокатура с наукой отлично сочетается. Вот и премию «Фемиды» мне дали за «Исследование библейских основ философии права». За это время успел опубликовать с десятком книг по философии права, еще десяток по искусствоведению и на общекультурные темы, а заодно пару десятков книг о праве.

– То есть высшую юридическую премию страны вам дали не за адвокатскую деятельность.

– Да я не в обиде. Весной этого года мне присудили Бронзовый бюст Ф.Н. Плевако. Церемония вручения его в Колонном зале Дома Союзов дала мне возможность закончить начатую там же 10 лет назад мысль. Когда мне тогда вручали Золотую медаль Плевако, я произнес фразу из известного анекдота: «Адвокат – это такая профессия – от Родины защищать». А я, мол, надеюсь, что когда-то станет и профессией защитника Родины.

За десять лет я передумал эту формулу, и уже подготовленную нами с Александром Макаровым книгу о деле в ЕСПЧ «Резник против России» мы назвали «Защита Родины от Родины». Потому что следователи – тоже часть нашей Отчизны, как и их подследственные, и это не Отечественная война, а внутренняя разъяснительная работа адвокатов о сути законности и гуманизма. И вторая церемония в Колонном зале дала возможность там же поправить допущенную ранее неточность.

– Вы были одним из инициаторов создания Союза адвокатов СССР. А каковы ваши обязанности как первого вице-президента Союза (Содружества) адвокатов СНГ?

– Да, с 1985 г., сразу как меня назначили руководителем Общественного Института судебной защиты при Президиуме МГКА, мы вели «подпольную» работу по объединению советских адвокатов. Почему подпольную? Лидеры московской адвокатуры не хотели таких объединений, опасаясь, что через них только усилятся подчиненность нашей относительно либеральной коллегии. Но постепенно я нашел союзников в лице заместителя председателя ►

персона

ТЕМА:
юбилей

► Президиума Бориса Фатыховича Абушахмина, которого с горьким сожалением на днях провожал в последний путь, и Генриха Падва.

Все изменил резкий наезд на адвокатуру со стороны правоохранителей, так называемое каратаевское дело. Тогда понимание необходимости профессиональной кооперации перед лицом тоталитарного государства сразу стало доминирующим. Сейчас только с улыбкой можно вспомнить, как спальный вагон ночного поезда Москва – Воронеж, забронированный под московскую делегацию, ушел с вокзала пустым, увозя только Генриха Падва, Андрея Макарова и широко сейчас известного журналиста Дмитрия Киселева. Оказывается, всех обзвонили и заботливо предупредили, что на вокзале в Воронеже будут забирать за попытку несанкционированного митинга. У Андрея был полный чемоданчик бутылок, и мы пили всю ночь, поэтому по приезду были готовы сразиться с целым полком. Но нас никто не встретил, и мы провели там всесоюзное собрание адвокатов, которое стало решающим этапом создания Союза адвокатов СССР.

Правда, вместе с СССР эта организация распалась и преобразовалась в Международный Союз (Содружество) адвокатов. Однако она сыграла большую роль для сохранения профессиональных контактов, а также для установления международных связей московской адвокатуры, а позже – Федеральной палаты адвокатов. Я более 20 лет был членом Совета Международной ассоциации юристов (International Bar Association, IBA) – своего рода юридическое ООН – и в определенные моменты проводил совместные проекты с ней и с адвокатскими организациями разных стран.

Московская и российская адвокатура стали заметны в самых высоких международных юридических кругах за эти годы. Отмечу только два события. В 2007 г. Союз (Содружество), Адвокатская палата г. Москвы и Федеральная палата адвокатов совместно с Конституционным Судом и в его здании (тогда еще в Москве) провели с упомянутой IBA конференцию по верховенству права. Затем издали на английском языке по материалам этой конференции сборник под редакцией президента IBA Фрэнсиса Нита, который использовался в течение нескольких лет как основной рабочий материал для заседаний IBA по этой тематике. По одной из обсуждавшихся тем мы с президентом ФПА Евгением Васильевичем Семеньяко опубликовали на английском языке концептуальную книгу о едином правовом пространстве Европы и России, которая была хорошо встречена в национальных и европейских адвокатских объединениях.

В 2013 г. по инициативе ФПА РФ, Адвокатских палат г. Москвы и Санкт-Петербурга в Сенатском зале Конституционного Суда уже в Санкт-Петербурге вместе с судьями КС и Американской ассоциацией юристов (American Bar Association) была проведена конференция по сравне-

нию англосаксонской доктрины верховенства права и континентальной доктрины правового государства. До этого их различиям не уделялось достаточного внимания. По итогам конференции была опубликована книга на русском языке под редакцией Валерия Дмитриевича Зорькина и моей, которую, как мне кажется, заметили в нашей научной литературе. На базе статей в основном иностранных авторов по итогам конференции крупнейшее научное издание мира «Спрингер» опубликовало сборник на английском языке, который уже 5 лет подряд входит в первые 25% наиболее заказываемых книг.

Сейчас я передал организационные функции в руки молодых и в должности первого вице-президента Союза работаю не так активно. Но в надежде, что наш президент Георгий Алексеевич Воскресенский прочитает это интервью, обещаю с 2019 г. усилить свою вовлеченность.

– Являясь членом международного арбитражного суда и других арбитражных учреждений, вы можете сказать, что в России судопроизводство по арбитражным спорам приближается к мировым стандартам? Или там ситуация не лучше, чем в общих судах?

– Международный арбитраж не стоит так напрямую сравнивать с внутренними арбитражными судами. Я некоторое время (лет шесть) был председателем Арбитражной комиссии Московской биржи и президентом Третейского суда Национальной фондовой ассоциации. Поэтому «по должности» для обмена опытом арбитражной практики входил в состав Лондонского международного арбитражного суда. Особо много я этим не занимался, в основном конференциями, обучением наших арбитров. У меня был заместитель – профессор МГИМО, блестящий специалист в международном арбитраже Алексей Костин. Он, наверное, лучший специалист в России.

Оказавшись среди «завлабов» по воле академика РАН Абеда Гезевича Аганбегяна, я стоял у истоков нынешней системы арбитражных судов, поддерживая на заседаниях в Волынском создание отдельных судов для рассмотрения экономических споров. Себя же критиковать не особо хочется.

– Вы утверждали, что психологическое давление может являться одной из форм психологической пытки, поскольку «означает умышленное причинение нравственного страдания для получения сведений или признания». Как вы полагаете, сейчас некоторые адвокаты находятся именно под таким давлением?

– Адвокат, который не может себя защитить от психологического воздействия, профессионально не очень состоятелен, так как такое давление входит в число характеристик нашей профессии. Другое дело, что часто защитники не могут

различить психологическую пытку в отношении своего клиента и дать этому достойный отпор. Это большая тема. Отошло вас к вышедшей пару лет назад совместной с коллегами книге «Психологическая пытка в России и за рубежом».

– Нынешняя ситуация с правосудием не разубедила вас в правильности суждения о божественной природе судебной власти?

– Об этом написано в Ветхом Завете, а я просто обратил на это внимание. Так что это вопрос к Автору этой великой книги.

– Тем не менее вы от ужасного (от нашего правосудия) все чаще стремитесь к прекрасному, создавая труды об искусстве Возрождения. Это своеобразный уход в астрал от адвокатских реалий?

– Скорее это уход из адвокатского астрала.

– Как Мышь Медичи и буддизм повлияли на творчество Микеланджело и как вы сами относитесь к восточной культуре и философии?

– Это большой разговор, далекий от адвокатуры. В АП г. Москвы, кстати, работает Ахмат Глашев – глубокий и известный знаток восточной культуры. Здесь хотелось бы сказать, что некоторый «западный культурный империализм» опровергается в первую очередь творчеством такого признанного титана и гения, как Микеланджело Буонарроти.

И я рад, что смог обратить внимание на это, особенно в недавно изданной книге «Этюды о Микеланджело».

– Как один из создателей Флорентийского общества в Москве вы наверняка заинтересованы в том, чтобы россияне приобщались к европейской культуре. Не кажется ли вам, что нас сейчас ориентируют скорее на Азию?

– Тривиально сказать, что Россия – мост из Азии в Европу. Мы были инициаторами подписания протоколов о сотрудничестве Москвы с Флоренцией (2003) и с Тосканой (2016), но наше последнее мероприятие прошло в Музее искусства Востока, где Флорентийское общество поддержало установку бронзовой мемориальной доски Павла Павловича Муратова, автора знаменитой книги «Образы Италии», а также инициатора создания 100 лет назад этого музея. Нам нужно ориентироваться на все лучшее и в Азии, и в Европе.

Например, китайские древние правовые идеи должны более активно изучаться в наших юридических вузах наравне с римским правом. Иначе начнем отставать.

– А вы сами преподаете?

– Я читал курсы лекций в МГУ, Высшей школе экономики, Международном университете в Москве, Десятом Парижском университете, отдельные лекции в университетах Италии и США, московских и петер-

бургских вузах. Но это не совсем мое призвание.

– Вы писали, что в прошлых столетиях мы ищем зачастую – самих себя, нечто отсутствующее в современной нам жизни, но для нас крайне важное и необходимое. Что необходимо для вас отсутствует в наше время?

– В нашей жизни нет романтизма, гуманистических идеалов и, что немаловажно, обожествления женщин. А именно на этом стоял самый известный культурный период в истории человечества – Ренессанс. Этим жили и дышали флорентийцы XV века.

– Вы изучали теорию конституционной экономики. Можете ли вы признать, что в некоторых государствах экономика является неконституционной? И относится ли это к таким странам, как Россия?

– В свое время я писал о конституционном нигилизме консерваторов и конституционном инфантилизме либералов. Сейчас бы я добавил термин «конституционное лицемерие», особенно в распределении и так не слишком обильных государственных расходов. Сам я провинциал и не могу читать о невероятной детской смертности во многих регионах на фоне бравурных отчетов о росте и обещаний, что к 2030 г. что-то где-то сделают с бедностью. А конституционная экономика – это методология борьбы гражданского общества за ресурсы и регионов – за настоящий конституционный бюджетный федерализм, который прописан в тексте Конституции России.

Всеволод Иноземцев недавно написал (РБК за 16 октября), что «российское население не понимает «соотношение, в котором находятся экономика и политика», и поэтому не протестует на улицах против бедности и нехватки государственных средств на стариков, медицину, образование и т.д. Отчасти он прав, только вот от выхода на улицы в России редко что хорошее получается. А конституционная экономика дает возможность привлечь конституционные ценности защиты человека и всего населения и провести спокойную содержательную дискуссию с органами власти, составляющими бюджет».

В 2004 г. Конституционный Суд дал урок по Конституционной экономике, рассматривая дело «подполковника Жмаковского». Я участвовал в деле как специалист, привлеченный самим КС. Представители Минфина России тогда утверждали, что бюджет не выдержит, если законодательная льгота офицерам на аренду жилья будет реально применена. Это дало возможность мне процитировать знаменитую речь Плевако о старушке и чайнике, из-за чего обрушится Российская империя. Суд заставил Правительство изменить закон о бюджете. И теперь привлеченные Судом к конституционной экономике участники того процесса стоят на страже конституционных прав народа.